

Алёшина М.В.

СПЛОЧЕННОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК НОВЫЙ ТРЕНД СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье представлен социологический анализ проблемы социальной сплоченности, методология её эмпирического исследования и современное научное понимание в виде комплекса идей и теорий, раскрывающих особенности социального согласия и социального доверия, социальной интеграции и инклюзии, социальной солидарности и дистанции, содержание которых зависит от социального и политического режима, стабильности, реальной социальной политики государства. В качестве центрального фактора социальной сплоченности в постиндустриальном обществе рассматриваются культурный плюрализм и стилевое разнообразие. Это обусловлено тем, что стимулирование индивидуального потребления, финансового успеха приводит к поляризации населения, отчуждению, формированию социальных групп, социальных отношений, моделей социального восприятия по степени материального благосостояния. На основе результатов анализа теоретических источников и данных межрегионального социологического исследования впервые определены условия, влияющие на сплоченность российского общества, доказана взаимосвязь между размерами сообщества и степенью доверия в нём; установлено доминирование атомистических тенденций в современном обществе. Это не только значимо для приращения теоретического социального знания, но и выступает основой формулирования приведенных в статье практических рекомендаций по совершенствованию политики государства в достижении социальной сплоченности в национальном масштабе.

Review: The author of the article provides a sociological analysis of the problem of social cohesion, describes methodology of the empiric research of the problem and modern scientific understanding of the problem in the form of a whole complex of ideas and theories revealing peculiarities of social compliance and social trust, social integration and inclusion, social solidarity and social distance which content depends on the social and political regime, stability and practical state policy. As a central factor of social cohesion in a post-industrial society, the author views cultural pluralism and variety of styles. The reason for this is that encouragement of individual consumption and financial success leads to polarization of the population, estrangement and formation of social groups, social relations and models of social perception of people depending on their material prosperity. Based on the results of the analysis of theoretical sources and data obtained during the interregional sociological research, for the first time in scientific literature the researcher defines conditions influencing the cohesion of the Russian society, proves the relation between the size of the community and the level of trust in the community. The researcher also proves that atomistic tendencies prevail in the modern society. This is important not only for expansion of the theoretical social knowledge but this also serves as the grounds for practical recommendations on improving state policy aimed at achievement of social cohesion at the national level.

Ключевые слова: социальная политика, социальная сплоченность, процессы социальной инклюзии, солидарность, интеграция общества, социологическое исследование, тренд социальной политики, социальное неравенство, гражданское общество, модель социальной сплоченности.

Keywords: social policy, social cohesion, processes of social inclusion, solidarity, social integration, civil society, model of social cohesion.

Сплоченность общества выступает одной из фундаментальных ценностей, обеспечивающих его эффективное существование и важнейшей характеристикой культуры. Руководители любого государства независимо от формы его политического устройства всегда стремятся к формированию сплоченного общества, которое служит основой для всей социально-политической системы. Поэтому важно выявить основные механизмы, которые ведут к росту неравенства в доходах в постсоциалистических экономиках, и определить условия социально устойчивого развития¹; провести научное осмысление категории «социальная сплоченность» и выработать алгоритм её достижения².

Социальная сплоченность в настоящее время рассматривается в качестве приоритетной концепции развития современных обществ, прежде всего европейских, и ориентирована на повышение степени социокультурной интеграции, на сглаживание социально-экономических разделительных линий внутри социумов с целью достижения их гомогенности и устойчивости. Категория социальной сплоченности, лежащая в основе современной социальной политики развитых стран, охватывает, прежде всего, категории населения, выпавшие из нормы социума не по своей доброй воле. Отсутствие социальной сплоченности понимается как одно из последствий глобализации, проявление социального исключения в форме маргинализации социально слабых категорий населения. При этом индикатором социальной напряженности традиционно считается материальное состояние общества, которое характеризуется контрастом полюсов богатства и бедности³. Социальная сплоченность выступает своеобразным агрегированным показателем устойчивости социальной системы, её структуры, доминирующих в обществе

социальных процессов. Существует общее понимание данного феномена, которое заключается в общественном благополучии, гармоничных и стабильных социальных отношениях как неотъемлемой составляющей социально-экономического прогресса и мирного сосуществования⁴.

Это обусловлено тем, что значительный разрыв в доходах социальных групп и нежелание власти кардинальным образом менять данную ситуацию, генерирует социальную напряженность. Крайне негативным является наличие в России значительного слоя бедных – «неимущих тружеников» (по П.Монсону), так как они представляют собой потенциальную угрозу устоям общества⁵. Экономический подход, реализуемый в Европе для повышения степени социального благополучия, обеспечения социального равенства, сплоченности общества, мог бы стать одной из основ улучшения социальной ситуации в России.

Согласно определению Главного управления социальной сплоченности Совета Европы⁶, социальная сплоченность – понятие, включающее в себя ценности и принципы, направленные на обеспечение для всех граждан равного доступа к основным социальным и экономическим правам. Следовательно, основным инструментом реализации социальной сплоченности, прежде всего, являются «политика» различных видов: социальная, культурная, экономическая, образовательная. В свою очередь степень социальной сплоченности может выступать индикатором, своеобразным индексом уровня развития общества, степени социальной ориентированности государственной политики. Социальная политика трактуется И. Григорьевой как деятельность государства и/или общества (общественных институтов) по согласованию интересов различных социальных групп и социально-территориальных общностей в сфере производства, распределения и потребления, позволяющая согласовать интере-

¹ Томкевич Я. Социальная сплоченность – вызов для постсоциалистических экономик. Преподаватель Академии им. Леона Козьминского, научный сотрудник исследовательского центра TIGER (г. Варшава) // Мир перемен. 2010. №4. С.79-89 / <http://elibrary.ru/item.asp?id=15582553>. Обращение к ресурсу 11.07.2013.

² Николаев М. Е. Социальная сплоченность российского общества // Политика и общество. 2009. №3. С. 4-11.

³ См.: Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Бедность и межселемная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 4 (48). С. 23-31.

⁴ На пути к активной, справедливой и социально сплоченной Европе. Доклад Специальной рабочей группы высокого уровня по вопросам социальной сплоченности в XXI веке. СЕ, Страсбург, 26.10.2007. С.8.

⁵ Монсон П. Лодка на аллеях парка / Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1994. С.17.

⁶ Promoting the policy debate on social cohesion from a comparative perspective. Council of Europe. Dec. 2001. PP.5-6.

Социальные исследования и мониторинг**Концептуализация и операционализация социальной сплоченности**

сы этих групп с интересами человека и долгосрочными целями общества. Соответственно, цель социальной политики – регулирование и согласование интересов для устойчивого и сбалансированного развития общества, достижение социального мира или общественного согласия⁷.

Согласие выступает, на наш взгляд, одним из условий сплоченности общества. Достижение согласия становится важной целью при наличии в обществе разнополярных, либо отличающихся друг от друга социальных групп, социальных структур. При этом, актуализируется проблема социальной интеграции, под которой понимается процесс включения в систему новых элементов таким образом, что после этого они больше ничем не отличаются от прежних элементов этой системы⁸. Относительная однородность общества, разделение его представителями большинства основных ценностей, социальных и иных норм способствует солидаризации населения, его объединению.

С целью исследования феномена социальной сплоченности, особенностей социальной ситуации в современной России, выявления доминирующих социальных представлений о векторах её развития, реформировании, а также реального уровня доверия в обществе, социальной дистанции, степени социальной солидарности, нами в 2012 году проведен межрегиональный социологический опрос⁹. Далее мы опишем методологические основания проведенного исследования, затем в статье будут представлены некоторые его результаты, которые касаются параметров сплоченности современного российского общества. Мы обратим внимание на региональные различия в значениях этих параметров, различия, которые определяются принадлежностью респондентов к разным социальным группам.

⁷ Григорьева И. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. Вып. 1. С. 40.

⁸ Endruweit G., Trommsdorf G. (Hrsg.) Woerterbuch der Soziologie. Stuttgart Ferdinand Enke, 1989. P. 307-309.

⁹ Исследование проведено в рамках проекта «Инклюзия как фундаментальный принцип социальной безопасности: потенциал сплоченности в контексте модернизации социальной политики России» (ДПННТ, № 6.4199.2011; СГТУ-22) по госзаданию Минобрнауки РФ на оказание услуг (2012-2013). Руководитель проекта: Заслуженный деятель науки РФ, д.филос.н., проф. Ярская-Смирнова В.Н.

Социальная сплочённость представляет собой процесс создания общих ценностей и интерпретаций, уменьшающий различие людей в богатстве и доходе, и обычно дающий людям чувства включения в общее дело, членства в сообществе, чувства совместного решения общих вызовов¹⁰. В риторике Э.Маркуса, это «постоянный процесс получения социальной гармонии»¹¹, которая изменяется под действием экономических, политических и социокультурных факторов. Социальная сплочённость также представляется как свойство определённого множества людей (очерченного, прежде всего, по географическому признаку), которое показывает, насколько его члены способны к совместной деятельности, ведущей к созданию общественного блага¹².

Степень социальной сплоченности во многом определяется спецификой политики государства в отношении общества, его социальных групп, а также степенью целостности общества, уровнем включенности в социокультурные отношения этнических представителей, мигрантов, маломобильных групп населения. Фактически сплоченность характеризуется особым состоянием представителей общества из разных социальных групп, страт, построенным, с одной стороны, на определенных уровне доверия в обществе, степени удовлетворенности жизнью, развития чувства социальной причастности, социального согласия; с другой – относительном равенстве социально-экономических, культурных и иных позиций человека, группы или общества, обеспечение которых предполагает принцип социальной справедливости распределения ресурсов.

Данные характеристики выступают как внутренними условиями сплоченности, так и при-

¹⁰ Maxwell J. Social dimensions of economic growth. Eric John Hanson Memorial Lecture Series. L.: University of Alberta, 1996. P. 13.

¹¹ Markus A. Mapping social cohesion: the scanlon foundation surveys summary report 2011. N. – Y., 2011. P. 12.

¹² Ritzen N. Social Cohesion, Public Policy and Economic Growth: Implications for OECD countries. L., 2000.

знаками её показателей, к которым мы относим, прежде всего: социальную интеграцию, социальную инклюзию и солидарность. Социальная интеграция понимается как процесс включения в систему новых элементов таким образом, что после этого они больше ничем не отличаются от прежних элементов этой системы¹³. Её степень или тип, проявляемые обществом либо группой трактуются как социальная солидарность¹⁴. При этом реализация процессов интеграции и солидаризации осуществляется посредством включения человека или группы в более широкое сообщество на основе приобщения индивида к определенному действию или культурному процессу¹⁵.

Указанные выше признаки показателей были положены в основу инструментария эмпирического исследования. Отсюда, индикаторами социальной сплоченности стали, в частности: самоидентификация человека с точки зрения принадлежности к различным группам населения территориальному признаку; способность сочувствовать и готовность оказать помощь другим людям; доверие граждан, в том числе к органам власти и правоохранительным органам; готовность к совместной социальной деятельности (от протестной до волонтерской). При этом в контексте социальных интеракций и разного уровня социальных сетей каждый из акторов доверяет остальным и, с другой стороны, пользуется их доверием в целях успешного социального взаимодействия. По мнению Ф.Фукуямы: «Способность к общению, к коллективным действиям... зависит от того, в какой степени те или иные сообщества придерживаются схожих норм и ценностей и могут подчинять индивидуальные интересы отдельных личностей интересам отдельных групп»¹⁶.

¹³ Endruweit G., Trommsdorf G. (Hrsg.) Woerterbuch der Soziologie. Stuttgart Ferdinand Enke, 1989. PP. 307-309.

¹⁴ Джерри Д., Джерри Д. Большой толковый социологический словарь / Пер. с англ. Н.Марчук. М.: Вече, АСТ, 2001. Т. 2. С.238.

¹⁵ Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Сб. науч. стат. Саратов: Научная книга, 2008. С.11.

¹⁶ Фукуяма Ф. Доверие / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 129.

Самоидентификация граждан: по результатам эмпирического исследования

Одним из индикаторов социальной сплоченности является самоидентификация респондентов с точки зрения принадлежности к различным группам населения по территориальному признаку. Для исследования данного аспекта респондентам был задан вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою причастность к следующим группам людей?». При этом предлагалось оценить степень включенности респондентов в определенные социальные группы своего города, региона страны, активного взаимодействия с ними. Мы используем следующие варианты ответов: город, регион, Москва, Россия и бывшие республики СССР. Для оценки степени включенности респондентов использовалась ординальная шкала.

В ходе исследования¹⁷ было установлено, что чувство причастности (в ходе нашего исследования – *осознаваемой идентичности по Дж.Г.Миду*)¹⁸ дифференцируется в зависимости от соотношения его с определенной социальной группой. Наиболее часто оно проявляется к окружающим людям, которые территориально близки к человеку, находятся в локальном окружении человека. Именно поэтому на первом месте здесь жители города и региона. Преобладающая часть населения – 88% (ответы «свое» и «близкое, но не свое») – чувствует свою близость с жителями городов, в которых они живут, а 77% – с жителями своего региона. При этом в разрезе городов проживания, пола и возраста респондентов существенных отличий не выявлено, лишь среди жителей Казани присутствует меньшая доля ответов, выражающих сильную причастность к жизнедеятельности города: 58% против 70% в Саратове и 67% в Томске (табл. 1).

¹⁷ В исследовании была реализована двухступенчатая стратифицированная выборка, пропорционально распределенная по параметрам: тип населенных пунктов, пол, возрастная группа. Всего опрошено 1244 человека, из них 414 – в Саратове, 409 – в Казане, 412 – в Томске. Фактическая возрастная структура опрошенных выглядит следующим образом: 28,6% – до 20 лет; 44% – 30-54 года; 28,4% – 55 лет и старше. Распределение по полу – 44,4% мужчин и 55,6% женщин. Ошибка выборки не превышает 5%.

¹⁸ Мид Дж. Г. Азия. Тексты / Американская социологическая мысль / Под ред. В.И.Добренёва. М.: Изд-во МУБиУ, 1996. С. 225.

Социальные исследования и мониторинг*Таблица 1. В какой мере Вы чувствуете свою причастность к жителям города, в котором живете? (% по столбцу)*

	Город			Всего
	Саратов	Казань	Томск	
Свое	70	58,5	67	65
Близкое, но не свое	20	26	21	22,5
Безразличное	5	11	7,5	8
Далекое, но не чужое	3	3	4	3
Чужое	1	2	1	1
Процентная база (N)	414	409	412	1235

Сплоченность населения предполагает взаимопонимание в обществе, способность сочувствовать и готовность оказать помощь другим людям. Вопрос «Если бы Вы увидели, как происходит что-то противозаконное, Ваши действия?» отражает один из индикаторов сплоченности в исследовании. Почти четверть опрошенных респондентов (26%) обязательно вмешались бы в ситуацию. Около половины респондентов сами вмешиваться не стали, но вызвали бы полицию (47%), привлекли бы внимание прохожих или соседей (18%), а 8% опрошенных прошли бы мимо, считая, что это не их дело. Часть респондентов (2,9%) указали, что поступят «в зависимости от конкретной ситуации», а часть (1,5%) – «вмешалась бы если бы не было угрозы жизни», «если под угрозой чья-либо жизнь». Можно сказать, что среди респондентов существует достаточно сильная ориентация на поддержание порядка и законности в населенных пунктах, в которых они проживают. Подавляющее большинство респондентов предприняли бы действия, которые тем или иным способом препятствовали бы нарушению законности.

Уровень доверия органам правопорядка

Важной составной частью сплоченности общества является его отношение к силам правопорядка, тем институтам, которые обязаны поддерживать должный уровень безопасности. Для повышения доверия к органам правопорядка в последнее время предпринимались определенные усилия. Были проведены реформы, направленные на достижения баланса всех составных частей правоохранительной

системы, улучшение ее имиджа, усиления контроля за соблюдением законности не только в обществе, но и внутри самой системы обеспечения общественной безопасности.

Одним из субъективных индикаторов сплоченности в этом смысле является уровень доверия граждан к системе обеспечения правопорядка. По результатам нашего исследования мы можем говорить о средней степени доверия к органам правопорядка (фактически 50% опрошенных заявляют об этом). Выявлена и положительная оценка эффективности спецслужб и силовых ведомств: суммарный процент положительных оценок (ответов «определенно да» и «скорее да») составил 63%. Примерно половина участников опроса (47%) склоняется к мнению, что государство способно их защитить. Абсолютно уверены в этом 16% опрошенных. Однако, доля респондентов, подвергающих сомнению охранительную функцию государства, также весьма значительна – она составляет 25%. Процент категорично негативных оценок невелик, но заслуживает внимания – 11,5%. То есть примерно треть всех респондентов негативно оценивают действия правоохранителей и демонстрируют необходимость дальнейшего совершенствования работы этой системы.

Прослеживается региональная специфика (табл. 2): чаще работу силовых структур положительно оценивают в Саратове («определенно да» и «скорее да» ответили 67% – две трети опрошенных). В Томске положительных ответов чуть меньше (63%), а в Казани их процент самый низкий из обследуемых регионов (59%). Также среди опрошенных жителей Казани наиболее высока

Политика и общество 5 (113) • 2014

доля категорично негативных ответов, хотя разница с другими регионами в данном случае крайне мала. Можно предположить, что с учетом формулировки вопроса могло сыграть роль положение региона: в Татарстане номинально существуют свои собственные власти и силы охраны правопорядка. Вполне возможно, что часть граждан разграничивает федеральные и республиканские ведомства, в большей степени доверяя последним. Обратим внимание на то, что распределение ответов в разных городах примерно одинаковое, но при суммировании долей положительных ответов («Определенно да»)

категорично негативных ответов в данной группе значительно выше, чем в остальных – 29% таких респондентов не считают органы власти и правопорядка способными их защитить.

Судя по всему, критичные настроения связаны с тем же фактором – стабильностью группы. Ее представители меньше других зависят от государства, что создает большие возможности для высказывания критики. Другим возможным фактором может являться большее количество собственности – чем ее больше, тем выше потребность в уверенности, что органы правопорядка смогут обеспечить ее сохранность, и, следовательно – выше планка запро-

Таблица 2. Таблица сопряженности по переменным «Могут ли российские власти, органы правопорядка спецслужбы обеспечить безопасность в стране, предотвратить теракты, взрывы самолетов, захваты заложников?» и «Город» (% по столбцу)

	Город		
	Саратов	Казань	Томск
«Определенно да» и «Скорее да»	67	59,5	62,5
«Скорее нет» и «Определенно нет»	33	40	37
Процентная база (N)	414	406	411

Варируются ответы на данный вопрос и в зависимости от материального положения граждан. В наибольшей степени в эффективности силовых ведомств уверены опрошенные со средним достатком (суммарный процент положительных оценок составляет 65%), хотя отклонение от среднего значения незначительно. Серьезное различие заключается в том, что наиболее категоричные ответы («определенно да» и «определенно нет») чаще дают представители высокообеспеченных домохозяйств и респонденты, охарактеризовавшие свое материальное положение как бедственное, тогда как люди со средним достатком склонны давать более нейтральные ответы. Высокий процент категорично негативных ответов среди респондентов с низким доходом, судя по всему, связан с социальной напряженностью и отношением к существующей системе распределения бюджетных денег как несправедливой. Высокая доля положительных ответов среди высокообеспеченных респондентов обусловлена более высокой стабильностью и меньшей напряженностью в данной среде, однако, и процент

сов по отношению к эффективности охранительной функции государства. Напротив, высокий уровень лояльности среди слабо обеспеченных групп может быть обусловлен их зависимостью от государства. Иными словами, среди людей с низким достатком практически в равной мере представлены две полярные по взглядам группы – одни ищут у государства поддержки и защиты, другие же полностью в нем разочарованы и считают его виновником своего положения.

Как и при ответах на большинство вопросов, относительно высокий уровень критики наблюдается среди респондентов с высшим образованием. Соответственно, меньше всего сомневаются в эффективности властей и органов правопорядка респонденты со средним и неполным средним образованием (суммарные доли положительных ответов составляют 71% и 70% соответственно). Сложно сказать, чем обусловлены эти различия, так как образование не всегда означает жесткую привязку к роду занятий, однако, можно предположить, что среди людей без высшего образования больше процент тех, кто

Социальные исследования и мониторинг

оценивает угрозы безопасности общества (в частности, терроризм) как имеющие отношение к их собственному повседневному опыту. Несмотря на то, что позитивное отношение к охранительной функции государства преобладает, значительная доля граждан не чувствует себя и свои семьи защищенными от угроз, устранение которых является функцией органов охраны правопорядка и спецслужб.

Выявленный средний уровень социального доверия к правоохранительной системе выступает позитивной основой для его повышения. Присутствие такого доверия свидетельствует об относительной эффективности данной системы, по мнению граждан. В то же время, значительна доля опрошенных (более трети), которые имеют негативное отношение к оцениваемой системе. Данный отрицательный потенциал различается в зависимости от города (в сторону его увеличения в Казани) и не позволяет давать оптимистические прогнозы по повышению уровня социального доверия к правоохранительной системе. Несмотря на то, что в настоящее время позитивные оценки преобладают, направление тренда, на наш взгляд, еще не определено полностью.

Силовые структуры являются важным, но не единственным институтом, с которым связываются представления о безопасности жизни общества, и важно знать от кого еще граждане ожидают исполнения данной функции. Респондентам был предложен список потенциальных агентов и институтов, из которых они могли выбрать несколько вариантов ответа.

Уровень доверия социальным институтам, государству, чиновникам

Респондентам предлагалось оценить уровень доверия различным социальным институтам по трехбалльной шкале («не доверяю», «сложно сказать», «доверяю»), исходя из того что доверие – это уверенность в действиях кого-то в интересах респондента и отсутствии для последнего вреда от этих действий. Далее мы проинтерпретируем ответы респондентов относительно доверия по отношению к системам власти, институтам, которые являются важнейшими детерминантами жизни общества. Мы остановимся лишь на некоторых аспектах, влияющих на оценки респондентов, среди которых образование, деятельность политических партий, законодательной власти, высших должностных лиц государства.

Наибольший уровень доверия жители выразили системе образования: доверяют 46%, не доверяют 24%. При этом такое распределение характерно для всех представленных в выборочной совокупности городов. Противоположную позицию с точки зрения дихотомии «доверяю – не доверяю» занимают политические партии. Доверяет им примерно десятая часть всех респондентов (13%). В отношении политических партий более позитивно высказываются респонденты старшего возраста, среди них примерно пятая часть (19%) склонны больше доверять политическим партиям. Степень доверия уменьшается по мере уменьшения возраста, достигая минимума (10%) для самых молодых участников опроса. Следует отметить, что доверие к законодательной власти, которая непосредственно связана с работой политических партий, несколько выше доверия к самим политическим партиям. Законодательной власти полностью доверяют 22% респондентов.

Примерно такая же картина имеет место и в отношении высших должностных лиц государства, которым доверяют 22% респондентов, не доверяют 43%. При этом наибольшее доверие имеется в старшей возрастной группе участников опроса. Среди представителей старшего поколения (старше 55 лет) говорит о доверии почти треть респондентов (32%), для других возрастных групп уровень доверия снижается.

Респонденты достаточно критично настроены по отношению к мерам поддержки со стороны государства. Лишь 7% опрошенных согласны с тем, что государство в достаточной мере заботится о своих гражданах. Большая же часть респондентов (49%) уверена, что поддержка ощущается, но могла бы быть больше, а 44% считают, что уровень заботы является явно недостаточным. Различия в соотношении мнений в различных регионах невелики, однако, стоит отметить, что менее критично по отношению к мерам государственной поддержки настроены жители Казани, а более критично, проживающие в Томске.

Большую заинтересованность в усилении поддержки от государства выражают представители малообеспеченных домохозяйств. Так, из числа респондентов, характеризующих свое материальное положение как очень низкое, ни один не ответил на вопрос о государственной поддержке положительно, а среди высокообеспеченных граждан

Политика и общество 5 (113) • 2014

доля положительных ответов составила 13%. В то же время, респонденты, характеризующие свое материальное положение как высокое, оказались наиболее критичными – явно недостаточным уровень заботы государства считают 55% из них, наряду с низкообеспеченными гражданами, из которых не удовлетворены поддержкой государства 59%.

Судя по всему, для разных категорий граждан ожидания от государства являются различными. Динамика ответов в зависимости от материального положения позволяет утверждать, что в первую очередь под поддержкой, в частности малообеспеченными классами, подразумевается участие государства в поддержании материального благополучия граждан, однако это не единственная форма ожиданий, в особенности для домохозяйств с высоким материальным положением.

Существенным моментом являются не только оценки гражданами своего положения, но и их представления о том, как их положение оценивают представители государства. Более трети респондентов (37%) убеждены, что чиновники не знакомы с проблемами населения, 39% – что им известно только о тех проблемах, о которых население открыто заявляет, и только 24% полагают, что представителям государства известно все. В неведении чиновников относительно проблем граждан уверены 41%

(45%). Характерно, что все эти категории граждан являются уязвимыми и их недоверие к чиновникам, по видимому, связано с неудовлетворенностью своим положением и тем, как государство справляется со своими обязанностями по отношению к ним.

Лучшего мнения об информированности чиновников придерживаются бюджетники и сами госслужащие (28%), сотрудники НКО (32,5%) и неработающие студенты (28%). В данном вопросе также обнаруживается зависимость от материального положения респондентов: в том, что чиновники не знакомы с проблемами населения уверена большая часть малообеспеченных респондентов – людей, определивших свое материальное положение как низкое (46%) и очень низкое (45%). Значительная доля тех, кто уверен в отсутствии информированности чиновников как представителей государства о социальных проблемах, возможно, объясняется развитым базовым чувством доверия (по аналогии с *базовым доверием к миру в постфрейдистской теории Э.Эриксона*¹⁹). Эти люди, чувствительные к практикам социального конструирования иллюзии тотальной заботы государства о каждом жителе России, не могут пока допустить, что это не соответствует действительности.

Наблюдается региональная специфика, представленная в таблице 3.

Таблица 3. Таблица сопряженности по вопросам «Насколько чиновники знакомы с проблемами населения?» и «Город» (% по столбцу)

	Город		
	Саратов	Казань	Томск
Насколько чиновники знакомы с проблемами населения?			
Не знакомы	44	34	33
Знакомы со всеми основными проблемами населения	21	25	25
Знакомы только с проблемами, о которых население заявляет	35	40,5	42
Процентная база (N)	411	405	408

респондентов мужского пола. Женщины высказывались менее критично – большая их часть (43%) считает, что о проблемах, о которых население заявляет, чиновники все же информированы. Представления также различаются в зависимости от рода занятий. Наиболее далеки представители государства от населения, по мнению работающих студентов (так считают 52% из них), безработных (49%) и пенсионеров

Основная часть опрошенных жителей Саратова убеждена в неинформированности чиновников (44%), что может свидетельствовать о наименьшей степени доверия из всех обследуемых регионов. Большая часть казанских и томских граждан

¹⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М.: Флинта, 2006.

Социальные исследования и мониторинг

уверена в том, что чиновники знают о проблемах, поднимаемых на повестку дня населением – так считают 42% респондентов в Томске и 40,5% в Казани. Четверть жителей этих двух регионов убеждена, что чиновники все же знакомы с основными проблемами граждан.

Однако, информированность не всегда означает действия, направленные на решение проблем, поэтому утверждение о том, что чиновники хорошо осведомлены о проблемах населения не следует считать полным синонимом доверия к ним. Мы видим, что больше половины респондентов в той или иной мере согласны с тем, что административный аппарат в лице чиновников знаком с проблемами, которые волнуют население регионов. Это свидетельствует о возможности конструктивного обсуждения подходов к решению актуальных проблем общества. Но тревожным сигналом для нас является наличие большой группы (как минимум треть респондентов), которая считает работу административного аппарата неэффективной, не ориентированной на решение насущных задач, волнующих население региона. Таким образом, восстановление доверия к власти, усиление взаимодействия административных структур с гражданским обществом в регионах является важной составляющей в работе по повышению социальной сплоченности нашего общества.

***

Таким образом, по результатам проведенного исследования, сложившаяся социальная ситуация в России не предполагает одномоментного достижения высокого уровня социальной солидарности, социальной инклюзии и интеграции, а в итоге социальной сплоченности. Сегодня общество нуждается в создании эффективного механизма общественного согласия, позволяющего органично, без излишней конфронтации, включать своих членов в единое социальное пространство, формировать модель конструктивного сотрудничества.

Сравнительный анализ результатов анкетирования представителей различных социальных групп репрезентирует тренд на атомизацию общества, на дифференциацию, а не интеграцию, инклюзию. Большинство респондентов, проживающих в Казани, Саратове и Томске, идентифицируют себя только с ближним окружением, в отношении которого наблюдается чувство причастности (жители своего города, и во вторую очередь – жители области,

края). Чем более компактным является сообщество, тем сильнее работает фактор доверия к нему. Мы не можем говорить о едином социальном пространстве нашей страны, там более дистанция возрастает по отношению к бывшим союзным республикам.

Ориентация на интересы локального сообщества, параметры собственного благосостояния проявляется также в том, что в основном респонденты обеспокоены своим здоровьем, уровнем своего материального положения. Они опираются в решении своих жизненных проблем по большей части на свое локальное окружение (88%). Эта модель взаимодействия с социальными институтами во многом является вынужденной, так как существуют серьезные бюрократические барьеры по взаимодействию с властными структурами.

В этой ситуации, важно развивать политику социальной сплоченности, в основе которой на первом этапе возможна ориентация на создание благоприятных для жизнедеятельности граждан социально-экономической и социокультурной сред. Ключевыми задачами политики сплоченности должны стать приоритетное финансирование, развитие социальной защиты, обеспечение социальной справедливости, уважение достоинства гражданина страны, обеспечение индивидуальной свободы и права каждого на личностный рост, социальную инклюзию, солидарность и участие в демократических процессах. Именно об этом, в первую очередь, и говорит примерно половина участников опроса, результаты которого мы анализируем.

Начатая модернизация социальной политики пока ориентирована на отдельные социальные группы, благосостояние которых заметно улучшается. Особенно это касается военнослужащих, работников правоохранительных органов. Это может быть связано с видением путей реформирования политической, экономической и социальной систем в нашей стране на определенном этапе ее развития. С другой стороны, необходимы изменения, которые ориентированы на решение стратегических задач, формирование устойчивой системы социального взаимодействия между всеми составными частями социума. Современные представления россиян отражают крайнюю неустойчивость ценностных ориентиров, что приводит к изменению структуры повседневного сознания. Социальная политика, нацеленная только на решение материальных вопросов отдельных социальных групп не сможет эф-

Политика и общество 5 (113) • 2014

фективно решить задачу консолидации общества, повысить уровень доверия к власти, повысить степень социальной сплоченности.

Основой социальной безопасности должна быть защита общества от утраты его целостности, предотвращение социальных потрясений. При конструировании такой защиты важно рассмотреть и устранить причины, влияющие на рост политической радикализации, антагонистического соревнования интересов. Этому может способствовать формирование «сплачивающего» социокультурного пространства, ориентированного на инклюзию, толерантность, патриотическую ментальность, повышение уровня индивидуальной и национальной культуры, развитие гражданской активности и ответственности, а также информационных представлений о приоритетной значимости надматериальных ценностей в жизни человека.

Библиография:

1. Томкевич Я. Социальная сплоченность – вызов для постсоциалистических экономик // Мир перемен. 2010. №4. С.79-89.
2. Николаев М. Е. Социальная сплоченность российского общества // Политика и общество. 2009. №3. С. 4-11.
3. На пути к активной, справедливой и социально сплоченной Европе. Доклад Специальной рабочей группы высокого уровня по вопросам социальной сплоченности в XXI веке. СЕ, Страсбург, 26.10.2007. С.8.
4. Монсон П. Лодка на аллеях парка / Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1994.
5. Promoting the policy debate on social cohesion from a comparative perspective. Council of Europe. Dec. 2001.
6. Григорьева И. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. Вып. 1. С. 40-45.
7. Endruweit G., Trommsdorf G. (Hrsg.) Woerterbuch der Soziologie. Stuttgart Ferdinand Enke, 1989. P. 307-309.
8. Maxwell J. Social dimensions of economic growth. Eric John Hanson Memorial Lecture Series. L.: University of Alberta, 1996.
9. Markus A. Mapping social cohesion:the scanlon foundation surveys summory report 2011. N. – Y., 2011.

10. Ritzen N. Social Cohesion, Public Policy and Economic Growth: Implications for OECD countries. L., 2000.
11. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь / Пер. с англ. Н.Марчук. М.: Вече, АСТ, 2001. Т. 2.
12. Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Сб.науч.стат. Саратов: Научная книга, 2008. С.11-19.
13. Фукуяма Ф. Доверие / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Academia, 1999.
14. Мид Дж. Г. Азия. Тексты / Американская социологическая мысль / Под ред. В.И.Добренкова. М.: Изд-во МУБиУ, 1996.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М.: Флинта, 2006.

References (transliteration):

1. Tomkevich Ya. Sotsial'naya splochnost' – vyzov dlya postsotsialisticheskikh ekonomik // Mir peremen. 2010. №4. S.79-89.
2. Nikolaev M. E. Sotsial'naya splochnost' rossiiskogo obshchestva // Politika i obshchestvo. 2009. №3. S. 4-11.
3. Monson P. Lodka na alleyakh parka / Per. so shved. M.: Ves' Mir, 1994.
4. Grigor'eva I. Sotsial'naya politika: osnovnye ponyatiya // Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki. 2003. T.1. Vyp. 1. S. 40-45.
5. Endruweit G., Trommsdorf G. (Hrsg.) Woerterbuch der Soziologie. Stuttgart Ferdinand Enke, 1989. R. 307-309.
6. Maxwell J. Social dimensions of economic growth. Eric John Hanson Memorial Lecture Series. L.: University of Alberta, 1996.
7. Markus A. Mapping social cohesion:the scanlon foundation surveys summory report 2011. N. – Y., 2011.
8. Ritzen N. Social Cohesion, Public Policy and Economic Growth: Implications for OECD countries. L., 2000.
9. Dzheri D., Dzheri D. Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar' / Per. s angl. N.Marchuk. M.: Vechе, AST, 2001. T. 2.
10. Yarskaya V.N. Inklyuziya – novyi kod sotsial'nogo ravenstva // Obrazovanie dlya vseh: politika i

Социальные исследования и мониторинг

- praktika inklyuzii. Sb.nauch.stat. Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. S.11-19.
11. Fukuyama F. Doverie / Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya / Pod red. V.L. Inozemtseva. M.: Asademia, 1999.
  12. Mid Dzh. G. Aziya. Teksty / Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl' / Pod red. V.I.Dobren'kova. M.: Izd-vo MUBiU, 1996.
  13. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. Per. s angl. M.: Flinta, 2006.